

КАУЗАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ АКТОВ*

Секацкая Мария Александровна – кандидат философских наук, старший преподаватель. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; e-mail: maria.sekatskaya@gmail.com

Виллюзионисты утверждают, что научные данные, полученные психологами и нейрочеловеками, демонстрируют, что сознание каузально неэффективно, а убеждение в том, что наши действия находятся под нашим сознательным контролем и что причиной наших действий являются наши интенции, ошибочно. Для доказательства этого утверждения виллюзионисты приводят наблюдения об иллюзиях контроля, ненадежности интроспекции, влиянии бессознательных факторов на поведение, а также данные нейронауки о запаздывающем осознании нейрональных процессов, предшествующих действиям. В статье анализируются аргументы виллюзионистов и приводимые ими данные и делается вывод о том, что заключения о каузальной неэффективности интенциональных актов не подтверждаются приведенными данными. Тем не менее эксперименты и наблюдения, проанализированные в статье, имеют большое значение для понимания того, какие концептуальные изменения должны быть внесены в наши теории интенциональности на основании новых знаний о психологических и поведенческих эффектах нейрональных механизмов, лежащих в основе сознательных интенциональных актов.

Ключевые слова: виллюзионизм, интенциональность, сознание, каузальная эффективность интенциональных актов, сознательный контроль

CAUSAL EFFICIENCY OF INTENTIONAL ACTS

Maria A. Sekatskaya – PhD in Philosophy, senior lecturer. Saint-Petersburg State University. 5 Mendelevskaya lane, 199034, Saint Petersburg, Russian Federation; e-mail: maria.sekatskaya@gmail.com

Willusionists claim that recent developments in psychology and neuroscience demonstrate that consciousness is causally inefficient [Carruthers, 2007; Eagleman, 2012; Wegner, 2002]. In section 1, I show that willusionists provide two types of evidence: first, evidence that we do not always know the causes of our actions; second, evidence that we lack introspective awareness of the causal efficiency of our intentional acts.

In section 2, I analyze the first type of evidence. Recent research in the field of social psychology has shown that irrelevant factors affect human behavior. For example, it has been shown that pleasant smells make a person more helpful toward strangers [Baron, 1997], whereas images of eyes that a person sees on a poster reduce the likelihood of cheating [Bateson, Nettle, & Roberts, 2006]. I argue that minor influences do not necessarily lead to something more sinister, and the contrary has not been empirically proven so far.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18–311–20004 “Эпистемологический потенциал функционального и нейробиологического подходов к исследованию интенциональных актов”.

In section 3, I analyze the second type of evidence that Daniel Wegner [2002] provides in favor of willusionism. Wegner claims that conscious will is usually understood in one of two ways: (1) «as something that is experienced when we perform an action» [Wegner, 2002, p. 3] or (2) «as a force of mind, a name for the causal link between our minds and our actions» [ibid.]. According to Wegner, it is a conceptual truth that for something to count as an instance of conscious will it must both be (1) felt as voluntary, and (2) causally efficient in bringing about a certain effect. Wegner claims that what satisfies (1) can fail to satisfy (2), and vice versa. The major part of Wegner's book is the review and analysis of diverse psychological phenomena: automatisms, hypnosis, illusions of control, influence of unconscious factors on human behavior, as well as some neuroscientific data. I briefly review the data provided by Wegner, and come to the conclusion that, although they show that there is a double dissociation between consciously willed processes and the acts that are supposedly caused by these processes, they do not justify further conclusions made by Wegner.

According to Wegner, the feeling of conscious will is just an indicator of unconscious processes which, in fact, cause our behavior. I argue that the data considered by Wegner do not provide direct information about the neuronal processes that underlie conscious intentional processes. Moreover, double dissociation can only show that one process neither a necessary nor sufficient cause of another process. It cannot show that one process is not among the causes leading to another process.

In section 4, I argue that the experimental data discussed in the article are important for philosophical theories of intentionality.

Keywords: willusionism, intentionality, consciousness, causal efficiency of intentional acts, conscious control

1. Введение

Многим из нас присуще убеждение, что наши желания и цели часто являются причиной наших действий. Более того, мы и другим людям склонны приписывать некие желания и цели, а значительная часть общественной жизни состоит в том, чтобы найти определенную гармонию между желаниями разных людей. Такого рода осознанные действия, в которых мы воплощаем свои желания, традиционно называются «интенциональными» [Anscombe, 1957; Mele, 2009]. Не все наши действия являются интенциональными: существуют автоматические действия, или действия, совершаемые в бессознательном состоянии. Но обычно мы без труда можем отличить автоматическое и бессознательное поведение от поведения осознанного. Более того, иногда даже в случае бессознательного поведения естественно предположить некоторый мотив. Так, когда мы случайно обнаруживаем, что зашли в комнату с какой-то целью, но забыли о ней, то мы испытываем дискомфорт и желание вспомнить мотив, который привел нас сюда. (Возвращение в начальную точку и проход по тому же маршруту

могут помочь.) Поведение, не являющееся следствием осознанных интенций, представляет собой скорее исключение, чем норму – к такому поведению можно отнести, например, действия сомнамбул, людей под гипнозом или людей, страдающих психическими заболеваниями. Нормой же является причинно-следственная связь между интенциями и следующими за ними актами – по крайней мере, так полагают многие философы, психологи и широкая публика [Nahmias, 2014]. Тем не менее ряд нейрочеловеческих, когнитивных психологов и философов отвергают каузальную эффективность интенциональных актов. Сознание, по убеждению этих исследователей, является эпифеноменом, а его каузальная роль – иллюзией [Walter, 2014]. Эти авторы публикуют работы, в которых из эмпирических данных делаются философские выводы об эпифеноменальности сознания и о необходимости пересмотра ряда социальных и юридических практик, подразумевающих, что сознание каузально эффективно [Carruthers, 2007; Eagleman, 2012; Pereboom, 2014; Wegner, 2002]. Позиция, отрицающая каузальную эффективность состояний сознания, получила название «виллюзионизма» [Nahmias, 2011b]. В данной статье я рассмотрю два типа аргументов против каузальной эффективности интенциональных актов и покажу, что этих аргументов недостаточно для вывода, что интенциональные акты не обладают каузальной эффективностью.

Первый тип аргументов основывается на том, что доступное нам знание о причинах наших действий далеко не так безошибочно и полно, как нам это может показаться. Декарт утверждал, что ни о чем я не могу судить с такой же степенью достоверности, как о том, что я ощущаю, переживаю и мыслю¹. Однако со времен Декарта многое изменилось: в частности, было обнаружено, что наши представления о содержании собственного сознания не только не полны, но зачастую ошибочны. Мы не всегда осознаем истинные причины своих действий, но при этом не осознаем и того факта, что причины этих действий нам неизвестны, и, будучи спрошенными о причинах, сочиняем различные истории [King, Woody, Viney, 2016]. Эти аргументы будут рассмотрены во втором разделе статьи. Второй тип аргументов основывается на том, что у нас нет непосредственного перцептивного доступа к каузальной роли ментальных актов. Ощущение, что

¹ «...хотя, возможно, как я уже допустил, ни одна воображаемая вещь не может считаться истинной, сама сила воображения, как таковая, действительно существует и составляет долю моего сознания. Итак, именно я – тот, кто чувствует и кто как бы с помощью этих чувств замечает телесные вещи: иначе говоря, я – тот, кто видит свет, слышит звуки, ощущает жар. Все это – ложные ощущения, ибо я сплю. Но достоверно, что мне кажется, будто я вижу, слышу и согреваюсь. Последнее не может быть ложным, и это, собственно, то, что именуется моим ощущением; причем взятое именно в этом смысле ощущение есть не что иное, как мышление» [Декарт, 1994, с. 24–25].

некое действие интенционально, т.е. совершено нами намеренно, возникает постфактум, как следствие того, что мы одновременно обладаем некоторым ментальным состоянием, интерпретируемым нами как интенция, и воспринимаем осуществляемый нами поведенческий акт. Наиболее известным сторонником такого рода аргументов является психолог Дениэл Вегнер [Wegner, 2002]. Его аргументы я рассмотрю в третьем разделе статьи. В четвертом, заключительном, разделе будет показано, что данные экспериментов, проанализированные в статье, имеют большое значение для понимания того, какие концептуальные изменения должны быть внесены в наши теории интенциональности на основании новых знаний о психологических и поведенческих эффектах нейрональных механизмов, лежащих в основе сознательных интенциональных актов.

2. Влияние неосознаваемых факторов

Одним из ранних наблюдений, демонстрирующих способность агента приписывать себе несуществующие мотивы, стали случаи постгипнотического внушения: загипнотизированные люди, которым психолог-гипнотизер давал указание совершить определенное действие в определенный момент времени, например открыть зонтик у психолога над головой в заранее указанный им момент, осуществляли это действие в соответствии с полученными инструкциями, несмотря на то, что в это время они уже не находились в состоянии гипноза. Будучи спрошенными о причинах, рассказывали что-то правдоподобное, но не имеющее отношения к действительности, например вспомнили о прогнозе погоды и решили проверить, работает ли зонт. Наблюдение подобного рода случаев постгипнотического внушения, проводимого французским доктором Ипполитом Бернхеймом, навело молодого Зигмунда Фрейда на мысль о существовании бессознательных ментальных процессов, влияющих на поведение человека [King et al., 2016, p. 401].

Подобного рода случаи можно было бы считать долгосрочным результатом воздействия гипноза на психику, но, как показали эксперименты социальных психологов, получившие большое распространение начиная со второй половины XX в., воздействие внешних факторов на наше поведение весьма распространено и не требует гипнотического вмешательства. Люди, ощущающие приятный аромат свежее испеченных булочек, более склонны помочь незнакомцам, чем люди, не ощущающие такого аромата [Baron, 1997], а люди, замечающие изображение глаз или нечто, напоминающее изображение глаз, менее склонны к обману [Haley, Fessler, 2005]. Яркой иллюстрацией воздействия изображения глаз на поведение является

эксперимент, проведенный М. Бейтсон, Д. Неттлом и Г. Робертсом в естественных условиях [Bateson, Nettle, Roberts, 2006]. На факультете психологии Университета Ньюкасла была принята система оплаты за чай и кофе, основанная на принципе доверия к пользователям. В уединенной комнате, безо всякого наблюдения, было размещено все необходимое для приготовления чая и кофе, включая молоко в холодильнике. На стене висело объявление, сообщающее, что оплату за напитки нужно класть в «ящик честности» (honesty box), расположенный на видном месте рядом с объявлением. Экспериментаторы сделали следующее: они добавили к объявлению картинку. По нечетным неделям картинка представляла собой изображение глаз, а по четным неделям – изображение цветов. Психологи регулярно измеряли количество выпитого молока (как самый удобный индикатор потребления напитков). Эксперимент продолжался 10 недель. Выяснилось, что по нечетным неделям, когда на объявлении с инструкцией по оплате было изображение глаз, количество денег в «ящике честности» оказывалось в среднем в 2,76 раза больше, чем по четным неделям. Количество выпитого молока не коррелировало с изображениями, что позволило авторам прийти к выводу, что люди, увидев глаза, не начинают пить больше напитков, но начинают более добросовестно платить за выпитое.

На основании этих и множества других подобных экспериментов психологи заключают, что влияние неосознаваемых факторов на наше поведение очень велико. Этот факт давно известен маркетологам, создающим рекламу, в которой самым прозаическим товарам, вроде стирального порошка, растворимого кофе или баночного пива, придаются ассоциации с семейным счастьем, душевным покоем и романтическими приключениями, т.е. с некими позитивными состояниями, никак не связанными с потребительскими качествами данных товаров. Когда покупательница, увидев в магазине на полке определенную марку порошка, кладет его в корзину, она не думает о том, что причиной, побуждающей ее это сделать, является ассоциация между порошком и семейным счастьем, вызванная просмотром рекламы, в которой ухоженная и довольная жизнью женщина засыпает порошок в стиральную машину, а затем предается радостям семейной жизни с заботливым мужем и милыми детками. Она просто берет порошок, который, как ей кажется, лучше всего отстирывает одежду. Да и в любом случае, надо ведь взять какой-то порошок, не все ли равно какой!

Ричард Талер и Касс Санстейн в книге «Nudge. Архитектура выбора» [Талер, Санстейн, 2017], ставшей международным бестселлером, пишут, что воздействие посторонних факторов на выбор, совершаемый человеком, настолько велико и повсеместно, что избежать его невозможно. Экономические модели, предполагающие, что люди являются рациональными акторами, в любой ситуации выбора

взвешивающими все релевантные факторы и делающими выбор исходя из того, насколько каждая опция соответствует их предпочтениям, неверны. В самом деле, многие ли из нас будут читать все инструкции, подстерегающие нас на каждом шагу? Может быть, мы прочтем все пункты ипотечного договора или инструкцию к только что выписанному нам сильнодействующему лекарству, но не станем читать все, что может нас касаться – например, мы не станем искать инструкцию к лифту в здании, в которое мы первый раз приходим, или инструкцию к самолету, на котором мы собираемся лететь. А ведь от надежности этих механизмов зависит наша жизнь! Эмпирический факт заключается в том, что мы нередко действуем не задумываясь, и это не всегда плохо или иррационально. В самом деле, наше время и когнитивные ресурсы ограничены, а если мы каждый раз будем проводить исследование всех возможных плюсов и минусов товаров, которые мы выбираем в супермаркете, то у нас не останется времени ни на что другое!

И даже в тех случаях, когда чтение инструкции действительно бы пошло на пользу, мало кто уделяет этому достаточно внимания. Чаще всего люди не будут читать все пункты контракта, а выберут ту опцию, которую подскажет продавец. Поэтому продавец, даже если он не желает вмешиваться в свободное волеизъявление покупателя, не может изменить того факта, что он влияет на конечный выбор – тем, какие именно опции предлагаются, в каком порядке перечислены пункты контракта или, в простейших случаях, как разложены товары на прилавке. Государства, организации и многие частные лица являются, таким образом, архитекторами выбора – от того, как именно они организуют пространства опций, зависит конечный результат. Они не могут избежать воздействия на тех, кому предоставляют товары и услуги – поэтому им следует заранее определиться с тем, каковы их конечные цели, и это может быть как максимизация прибыли (на что обычно нацелен маркетинг), так и благо покупателя, сотрудника и гражданина, как предлагает разработанная Талером и Санстейном доктрина «либертарианского патернализма» [Талер, Санстейн, 2017].

Какие философские выводы можно сделать из вышеприведенных соображений? Безусловно, можно сделать вывод о том, что интроспективно доступная информация о мотивах наших поступков не всегда соответствует действительности. Например, может оказаться, что мы выбрали некий товар потому, что он лежал на самом видном месте, или помогли незнакомцу собрать рассыпавшиеся по полу предметы потому, что ощущали приятный аромат свежее испеченных булочек. Безусловно, аромат булочек не является единственной причиной, но в этом смысле даже горящая спичка не является единственной причиной пожара, ведь для того, чтобы пожар случился, нужно еще присутствие кислорода, горючих материалов и т.д. Однако

для того, чтобы понять, насколько такие подсознательные влияния важны, допустим, что если бы не булочки – мы бы отвернулись и поспешили дальше, т.е. что приятный аромат в данном случае был необходимой причиной нашего альтруистического поступка, хотя влияние этого аромата на нашу мотивацию нам было совершенно неочевидно с субъективной точки зрения. Предположим, что результаты вышеперечисленных экспериментов социальных психологов однозначно демонстрируют, что иногда мы ошибаемся относительно мотивов своих поступков.

Следует ли из того, что мы иногда ошибаемся относительно наших мотивов, вывод, что мы ошибаемся всегда? Классические представления о роли интенциональности в деятельности агента гласят, что целенаправленное поведение представляет собой осуществление интенциональных актов, в которых агент принимает решение о том, чтобы действовать в соответствии с определенными ментальными состояниями, т.е. желаниями, мотивами и целями. Такое решение представляет собой «интенцию в действии» в терминологии Джона Серля [Searle, 2001] или «проксимальную интенцию» в терминологии Альфреда [Mele, 1995]. Нередко решение принимается в ходе внутренней борьбы или, по крайней мере, в результате размышления над альтернативами. Может быть, в ряде случаев мы формируем проксимальную интенцию под влиянием определенного рода внешних факторов, но это не значит, что наши сознательные намерения не играют никакой роли в формировании интенции². Внешние факторы могут способствовать тому, что мы по-разному взвешиваем альтернативы при принятии решений, например мое желание помочь постороннему может быть чуть сильнее, если я ощущаю приятный аромат свежее испеченных булочек – потому, например, что этот аромат приводит меня в хорошее настроение, – но это не означает, что какой-то аромат способен заставить меня поступать вопреки моим желаниям и делать нечто такое, что никак не соответствует имеющимся у меня целям. Быть может, приятный аромат может увеличить вероятность того, что я помогу незнакомцу, изображение глаз на плакате с ценами может увеличить вероятность того, что я заплачу за напиток, и т.д., но никакие подсознательно действующие факторы не заставят меня ограбить старушку или избить ребенка³.

² Другие аргументы против иллюзионистской интерпретации влияния подсознательных факторов на поведение см., напр., в работах: [Mele, 2009; 2014; Nahmias, 2011b; 2011a; 2014; Левин, 2018].

³ Некоторые исследователи утверждали, что влияние среды может полностью изменить поведение человека, в результате чего он будет готов бить током незнакомцев [Milgram, 1974] или заставлять других участников эксперимента раздеваться, отжиматься, надевать на голову мешки и т.д. [Зимбардо, 2019]. Несмотря

3. От двойной диссоциации к эпифеноменализму

Дэниэл Вегнер полагает, что мы неизбежно ошибаемся, приписывая причины своих поступков осознаваемым мотивам – не потому, что мы не можем определить, какой именно мотив лежит в основе нашего действия, а потому, что сознательный мотив вообще не является причиной действий. Объяснение поведения в терминах мотивов ненаучно, хотя и крайне убедительно с субъективной точки зрения:

Понятие сознательной воли и понятие о психологических механизмах соотносятся друг с другом, как вода и масло, и никому еще не удалось их окончательно примирить. Один из способов такого примирения – исследуемый в этой книге, – состоит в том, чтоб рассматривать механистический подход как объяснение, предпочтительное с научной точки зрения. При этом субъективное переживание (experience) сознательной воли очень важно и убедительно для того, кто его испытывает, а потому тоже должно стать предметом научного исследования. Механизмы, лежащие в основе переживания сознательной воли, сами представляют собой фундаментальный предмет научного исследования. Нам нужно изучить и понять, что создает переживание сознательной воли и что становится причиной того, что это переживание исчезает. Но это означает, что сознательная воля – иллюзия. Она представляет собой иллюзию в том смысле, что переживание сознательного воления некоего действия не является непосредственным указанием на то, что сознательная мысль была причиной этого действия [Wegner, 2002, p. 2].

Таким образом, наши ошибки в рассмотренных выше случаях не случайны, а закономерны, если руководствоваться теорией Вегнера. Нам кажется, что мы ощущаем, как наша интенция становится причиной нашего действия, но на самом деле мы лишь наблюдаем вначале возникновение в сознании некой интенции и затем наблюдаем определенное поведение, непосредственно следующее за этой интенцией. Так, из наблюдения, что за нашим желанием пить следует определенное поведение, например открывание бутылки с минеральной

на то что данные этих исследований очень важны для понимания роли среды в поведении людей, речь в них идет не о влиянии бессознательных факторов, а о влиянии внешних обстоятельств на мотивацию и поведение человека. Испытуемые Милгрэма и Зимбардо причиняли другим людям страдания не потому, что видели какие-то изображения или ощущали ароматы, а потому, что следовали данным им инструкциям, которые они были способны сознательно пересказать. Связь между инструкциями и их поведением была очевидна участникам эксперимента в отличие от связи между ароматом и поведением. Вопрос о том, почему они следовали этим инструкциям, весьма интересен с философской точки зрения, но он не имеет отношения к вопросу об эпифеноменальности сознания, поэтому такого рода эксперименты не рассматриваются в рамках данной статьи.

водой, наливание воды в стакан и осуществление глотка, мы делаем вывод, что желание пить является причиной наливания воды. Но из того, что процесс А регулярно предшествует процессу Б, еще нельзя сделать вывод о том, что он является его причиной, ведь может оказаться, что оба эти процесса являются лишь следствиями некой общей причины, лежащей в их основе. Например, существует надежная корреляция между тем, что вначале барометр указывает на отметку «дождь», и затем начинается дождь. Но перемещение стрелки барометра не является причиной дождя – и то, и другое является следствием падения давления. Одна из задач научного исследования состоит в том, чтобы отделять корреляцию процессов, вызванных общей причиной, от причинно-следственной связи между этими процессами [French, Saatsi, 2014]. Предположим, что обычно процессы А и Б коррелируют, и в тех случаях, в которых наблюдается один процесс, наблюдается и другой процесс. Как узнать, являются ли А и Б двумя различными проявлениями одного общего процесса, как в случае с магнитным и электрическим полем, или один из них – причина другого, как в случае со спичкой, поджигающей фитиль, или они оба являются следствием общей причины В, как дождь и перемещение стрелки барометра? Надежным методом выявления отсутствия определенного рода причинно-следственной связи между двумя процессами является метод двойной диссоциации. Если Б может наблюдаться в отсутствие А, то А не является необходимой причиной Б, и если А может наблюдаться в отсутствие Б, то А не является достаточной причиной Б. Определить, не является ли А одной из причин Б, значительно более сложно по причине того, что влияние А на Б может быть скрыто другими факторами, таким образом, двойной диссоциации может быть недостаточно для достижения некоторых целей, но ее вполне достаточно для достижения других [ibid.]. В частности, метод двойной диссоциации очень популярен в психологии и нейронауке.

В первой главе своей книги Вегнер пишет, что под «сознательной волей» принято понимать две вещи: (1) испытываемое нами субъективное переживание воления и (2) присущую нашему сознанию каузальную способность воплощать в жизнь интенциональные состояния [Wegner, 2002, р. 3]. Вегнер хочет показать, что эти две вещи не совпадают друг с другом, потому что между ними можно наблюдать двойную диссоциацию. Демонстрации наличия диссоциации между осознаваемыми агентом проксимальными интенциями, которые сам Вегнер называет «переживанием сознательной воли» (feeling of conscious will) и «ощущением деятельности» (feeling of doing), и реально осуществляемыми агентом действиями посвящена большая часть книги Вегнера. Вегнер рассматривает значительное количество интереснейших психологических феноменов: автоматизмы, гипноз, диссоциативное расстройство личности, иллюзии контроля,

когда испытуемым кажется, что они управляют действием, которым они на самом деле не управляют, или, наоборот, не управляют действиями, которыми они на самом деле управляют. Вегнер показывает, что ошибки относительно того, кто осуществляет действие: сам человек или кто-то иной (например, в случае людей, собравшихся на сеанс столоверчения, роль кого-то иного может приписываться духам), могут возникать у вполне здоровых и рациональных людей. В эксперименте по совместному управлению курсором Вегнером было продемонстрировано, что в определенных условиях человек приписывает себе действие, которого он не произвел [Wegner, 2002, р. 74–78]. Нам может казаться, что мы обладаем непосредственным доступом к своему сознанию в том смысле, что мы точно знаем, были ли мы автором какого-то действия или нет – в конце концов, если мы не можем быть уверены в этом, то в чем нам тогда быть уверенными? – но Вегнер эмпирически демонстрирует, что это не так.

Не все исследователи согласны с данной самим Вегнером интерпретацией проведенных им экспериментов. Свен Вальтер анализирует методику Вагнера и указывает, что выборка была недостаточно велика, а суждения о том, кто именно произвел действие в каком случае, давались испытуемыми не по бинарной шкале «я / не я», а по более сложной и многозначной системе, отражающей степень уверенности субъекта в том, что его действие было добровольным [Walter, 2014, р. 2225–2229]. Неудивительно, что испытуемые могут ошибиться в таком контексте, ведь само действие, которое они исполняют – совместное передвижение курсора по экрану, – является для испытуемых непривычным заданием. Но, несмотря на эту критику, можно согласиться с тем, что в книге Вегнера достаточно данных для того, чтобы подвергнуть сомнению картезианскую картину безошибочного доступа субъекта к данным своего сознания. Совокупность приведенных Вегнером примеров и наблюдений позволяет утверждать, что действие агента иногда не сопровождается ощущением агентности, тогда как ощущение агентности иногда не сопровождается действием. Таким образом, двойную диссоциацию можно считать доказанной: (1) испытываемое нами субъективное переживание воления и (2) каузальная способность воплощать в жизнь интенциональные состояния встречаются отдельно друг от друга.

Какой теоретический вывод можно сделать из этого факта? Вегнер делает вывод, что переживание воления и каузальная способность воплощать в жизнь интенциональные состояния представляют собой следствия общей причины (бессознательных процессов в мозге). То есть сознательное переживание воления не имеет каузальной эффективности: оно эпифеноменально по отношению к производимым нами действиям. Мы заключаем, что осуществили волевой акт не потому, что мы перцептивно ощущаем акт воления, а потому, что мы наблюдаем косвенные признаки этого: (1) мы совершили некое

действие, (2) это действие соответствовало нашим желаниям, идеям, целям, (3) рядом не было никого другого, кто был бы более вероятным автором данного действия. Ощущение воления является лишь индикатором реальных процессов воления, которые, по убеждению Вегнера, и обладают каузальной ролью: «Переживание сознательного воления некоего действия происходит как результат работы системы интерпретации <...> которая исследует отношение между нашими мыслями и действиями и выдает ответ “Я сделал это”, когда они совпадают должным образом. Это переживание представляет собой нечто вроде компаса, сообщающего сознанию, когда происходят некие действия, вероятно, являющиеся результатом деятельности сознательного агента» [Wegner, 2002, p. 317].

Отметим здесь, что «иллюзорность» сознания и его каузальная неэффективность весьма относительны, даже если Вегнер прав: предположим, сознательное переживание волевого акта А каузально неэффективно по отношению к самому этому акту и является лишь его несовершенным индикатором. Это не означает, что сознание каузально неэффективно в принципе, т.к. сама метафора компаса показывает, что агент использует данные сознания для обновления своих представлений о мире. Если этот компас сообщает «Я сделал это», то агент, вероятно, будет вести себя иначе, чем если компас молчит, и неважно, может ли компас ошибаться. В самом деле, было бы странно, если бы наш сознательный компас, представляющий собой сложный нейрональный процесс, был бы свободен от ошибок – ведь даже простой механический компас может ошибаться! Таким образом, переживание воления все равно оказывается каузально эффективным, хотя и не в том смысле, как предполагает народная психология воления в изложении Вегнера.

Но еще важнее, что эксперименты Вегнера в отличие от экспериментов нейрочучных, которых мы коснемся в следующем разделе, не дают никакой информации непосредственно о тех нейрональных процессах, которые лежат в основе рассматриваемых Вегнером сознательных когнитивных процессов. Его выводы об эпифеноменальности представляют собой лишь одну из возможных интерпретаций изложенных им эмпирических данных. Вегнер предполагает, что из того, что диссоциация демонстрирует, что переживание воления необязательно коррелирует с реальным волевым актом, т.е. с осуществлением агентом имеющейся у него интенции, следует, что переживание эпифеноменально, т.е. каузально неэффективно по отношению к данному волевому акту. Однако диссоциация, как мы видели выше, демонстрирует лишь то, что два процесса не тождественны друг другу и что один процесс не является необходимой и достаточной причиной другого, но не показывает, что один процесс не может быть одной из причин другого. Если возможно наблюдать по отдельности процесс сознательного воления и процесс осуществления

агентом интенциональной деятельности, то из этого можно сделать заключение лишь о том, что у интенциональной деятельности могут быть и другие причины, помимо сознательного воления, и что сознательного воления может быть недостаточно для осуществления интенционального акта, но нельзя заключить, что сознательное воление никогда не может быть одной из причин интенциональной деятельности. Точно так же из наблюдений, что бывает горящая спичка, после которой нет пожара, а бывает пожар, причиной которого не была горящая спичка, не следует, что горящие спички никогда не бывают причиной пожаров.

Кроме того, хотя данные нейронауки, на которые Вегнер ссылался как на подтверждение эпифеноменальности сознания, могли быть интерпретированы таким образом во время написания книги [Wegner, 2002], сделанные спустя несколько лет наблюдения опровергают предложенный Вегнером радикальный нарративизм. В исследовании Демюрже и коллег было обнаружено, что стимуляция электрическим током определенных участков коры головного мозга (нескольких участков в различных местах полей Бродмана 39 и 40) вызывает у пациентов ощущение, что они хотят совершить какое-то движение.

Стимуляция всех этих участков производит чистую интенцию, т.е. ощущаемое желание двигаться без произведения видимого движения и без регистрации мышечной активности в соответствующих мускулах на записях электромиограммы. У двух пациентов (пациент 1 и пациент 2) те же самые места были вновь стимулированы с более высокой интенсивностью. Осознаваемые моторные интенции сменились ощущением, что было совершено какое-то движение, хотя, так же как и во время первой стимуляции, ни видимое движение, ни мышечная активность на ЭМГ не были обнаружены [Desmurget et al., 2009, p. 811–812].

Эти данные однозначно свидетельствуют, что субъективное ощущение интенции к осуществлению действия и ощущение, что некоторое действие было осуществлено, основываются не только на наблюдении агентом своего поведения, обстоятельств внешней среды и наличия у агента тех или иных мыслей в момент действия, но имеют непосредственную перцептивную составляющую, т.е. субъективно переживаются агентом, подобно тому, как субъективно переживаются нейрональные процессы, сообщаящие агенту информацию о положении его тела (кинестетические и тактильные восприятия). В связи с вышесказанным можно заключить, что ощущение воления не есть исключительно результат интерпретации агентом неких процессов, происходящих до того, как он или она этот момент воления себе припишут, исходя из наблюдений, а есть сложный перцептивный процесс, подверженный иллюзиям, но, вероятно, достаточно надежный в обычной жизни. В самом деле, способность отслеживать эффективность приведения в жизнь своих интенций представляется

весьма полезной для выживания – и проведенные Демюрже исследования, кажется, указывают на нейрональный механизм, который позволяет агенту субъективно ощущать свои воления из перспективы первого лица, а не только заключать об их наличии путем наблюдения своего поведения.

4. Научно обоснованная теория интенциональности

Вышеприведенные соображения позволяют сделать вывод, что интенциональные акты, посредством которых агент осуществляет осознанную и целенаправленную деятельность, представляют собой результат работы сложного нейронального механизма, в определенных случаях подверженного иллюзиям. Тот факт, что в основе сознательных процессов воления лежат определенные нейрональные процессы, вроде бы, не должен оспариваться никем, кроме дуалистов, отрицающих не только тождество, но даже супервентность состояний сознания и состояний мозга. Тем не менее ряд ученых полагает, что данные нейронауки тоже свидетельствуют об эпифеноменальности сознания. Начиная со знаменитых экспериментов Б. Либета [Libet et al., 1983], чья экспериментальная парадигма была принята на вооружение последующими исследователями, нейроучеными было собрано значительное количество данных о том, что нейрональные процессы, являющиеся причиной наших действий, осознаются с запаздыванием [Filevich, Kühn, Haggard, 2013; Haggard & Eimer, 1999; Haggard, 2008; Soon et al., 2008]. Если попросить испытуемого осуществлять некое произвольное, заранее не запланированное действие и при этом запоминать время возникновения у него интенции к осуществлению этого действия, то можно продемонстрировать, что бессознательный нейрональный процесс, ведущий к осуществлению данного действия, предшествует времени субъективного осознания агентом интенции к осуществлению действия. Эти данные многими исследователями интерпретируются как доказательство каузальной неэффективности сознания, его эпифеноменальности [Carruthers, 2007; Eagleman, 2012; Wegner, 2002]. Интерпретация такого рода данных является предметом оживленной дискуссии [Dennett, 2003; Fischborn, 2016; Lavazza, 2019; Mele, 2009; Левин, 2018; Левин, Югай, 2019; Разеев, 2017; 2019; Секацкая, 2016; 2019]. Эдди Намиас [Nahmias, 2014] убедительно аргументирует, что, хотя эксперименты нейроученых теоретически могли бы обнаружить существование локального эпифеноменализма – в том случае, если бы было эмпирически выявлено, что все процессы, которые субъективно воспринимаются нами как интенции, каузально не связаны с процессами, которые

ведут к осуществлению действий, – имеющиеся на данный момент данные не позволяют утверждать, что дело обстоит именно таким образом. Более того, существуют и позитивные подходы к объединению сознательных и бессознательных процессов осознанного действия. Перспективным способом объяснения взаимодействия осознанных и неосознанных компонентов интенциональных действий является трехчастная теория интенциональности Элизабет Пашери [Pacherie, 2008]. В соответствии с теорией Пашери, два типа интенций – дистальные интенции, представляющие собой долгосрочные планы, и проксимальные интенции, представляющие собой краткосрочные планы и спонтанные решения, – осознаются агентом и порождают моторную интенцию к действию, которая обладает как осознанными, так и неосознанными компонентами.

Таким образом, ни психология, ни нейронаука на данный момент не обладают данными, свидетельствующими в пользу эпифеноменализма и вилюзионизма. Убеждение в том, что наши интенции каузально эффективны, соответствует традиционным философским представлениям о роли интенциональности в осуществлении деятельности и не противоречит эмпирическим данным. Тем не менее эмпирические исследования интенциональных актов, проанализированные в статье, демонстрируют, что связь между интенциями и актами не так однозначна, как полагают некоторые философы. Существование двойной диссоциации между интенциями и действиями, так же как и ошибочные восприятия воления, продемонстрированные Вегнером, Демюрже и другими авторами, показывают, что воление представляет собой сложный психологический феномен и что теории, утверждающие непосредственный и безошибочный доступ сознательного агента к содержанию своего сознания, в том числе сознания о своих мотивах, неверны. Наши мотивы и интенции обладают каузальной эффективностью, но мы не всегда способны правильно оценить свои интенции и роль, которую осознанные состояния играют в нашем поведении. Сознательный агент не является постоянным наблюдателем, ошибочно приписывающим себе действия, осуществляемые бессознательными нейрональными процессами, но он не является и картезианским субъектом, полностью осознающим и контролирующим все ментальные процессы в своем сознании. Мы – физические существа, обладающие определенной телесной и психологической организацией, и понимание особенностей функционирования нашей психики на когнитивном и нейрональном уровне необходимо для адекватной интерпретации каузальной роли сознательных интенций.

Список литературы

Декарт, 1994 – *Декарт Р.* Размышления о первой философии / Пер. с лат. и фр. Т. 2 / Сост., ред. и примеч. В. Соколова. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 3–72.

Зимбардо, 2019 – *Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Пер. с англ. А. Стативка. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 740 с.

Левин, 2018 – *Левин С.М.* Свобода воли, наука и причины поведения // *Epistemology & Philosophy of Science* / Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 153–164.

Левин, Югай, 2019 – *Левин С.М., Югай В.С.* Иллюзия выбора и неконтролируемые действия // *Философский журнал*. 2019. № 55 (2). С. 92–102.

Разеев, 2017 – *Разеев Д.Н.* Проблема свободы воли в контексте исследований нейронауки // *Журнал высшей нервной деятельности*. 2017. № 67 (6). С. 721–727.

Разеев, 2019 – *Разеев Д.Н.* Свобода воли и когнитивный механизм выбора // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 439. С. 110–114.

Секацкая, 2016 – *Секацкая М.А.* Свобода воли и предсказуемость. Философский анализ современных исследований в нейронауке // *Вопр. философии*. 2016. № 3. С. 163–169.

Секацкая, 2019 – *Секацкая М.А.* Философская значимость исследований свободы воли в нейронауке на примере различных интерпретаций экспериментов Б. Либета // *Вопросы философии*. 2020. № 3 (в печати).

Талер, Санстейн, 2017 – *Талер Р., & Санстейн К.* *Nudge: Архитектура выбора* / Пер. с англ. Е. Петровой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 240 с.

References

Anscombe, 1957 – Anscombe, G.E.M. *Intention*. Oxford: Blackwell, 1957, 94 pp.

Baron, 1997 – Baron, R.A. “The Sweet Smell of... Helping: Effects of Pleasant Ambient Fragrance on Prosocial Behavior in Shopping Malls”, *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1997, vol. 23, no. 5, pp. 498–503.

Bateson, Nettle, Roberts, 2006 – Bateson, M., Nettle, D., Roberts, G. “Cues of Being Watched Enhance Cooperation in a Real-World Setting”, *Biology Letters*, 2006, vol. 2, no. 3, pp. 412–414.

Carruthers, 2007 – Carruthers, P. “The Illusion of Conscious Will”, *Synthese*, 2007, vol. 159, no. 2, pp. 197–213.

Dennett, 2003 – Dennett, D. C. *Freedom Evolves*. New York: Viking, 2003, 347 pp.

Descartes R. *Razмышlenija o pervoj filosofii* [Meditations on First Philosophy]. Moscow: Mysl', 1994. P. 3–72. (In Russian)

Desmurget et al., 2009 – Desmurget, M., Reilly, K. T., Richard, N., Szathmari, A., Mottet, C., Sirigu, A. “Movement Intention After Parietal Cortex Stimulation in Humans”, *Science*, 2009, vol. 5928, no. 324, pp. 811–813.

Eagleman, 2012 – Eagleman, D. *Incognito: The Secret Lives of the Brain*. New York: Pantheon Books, 2012, 304 pp.

Filevich, Kühn, Haggard 2013 – Filevich, E., Kühn, S., Haggard, P. “There Is No Free Won’t: Antecedent Brain Activity Predicts Decisions to Inhibit”, *PLoS ONE*, 2013, vol. 8, no. 2, e53053.

Fischborn, 2016 – Fischborn, M. “Libet-Style Experiments, Neuroscience, and Libertarian Free Will”, *Philosophical Psychology*, 2016, vol. 29, no. 4, pp. 494–502.

French, Saatsi, 2014 – French, S., Saatsi, J. (eds.). *The Bloomsbury Companion to the Philosophy of Science*. London; New York: Bloomsbury, 2014, 488 pp.

Haggard, 2008 – Haggard, P. “Human Volition: Towards a Neuroscience of Will”, *Nature Reviews Neuroscience*, 2008, vol. 9, pp. 934–946.

Haggard, Eimer, 1999 – Haggard, P., Eimer, M. “On the Relation Between Brain Potentials and the Awareness of Voluntary Movements”, *Experimental Brain Research*, 1999, vol. 126, no. 1, pp. 128–133.

Haley, Fessler, 2005 – Haley, K.J., Fessler, D.M.T. “Nobody’s Watching?”, *Evolution and Human Behavior*, 2005, vol. 26, no. 3, pp. 245–256.

King, Woody, Viney, 2016 – King, D.B., Woody, W.D., Viney, W. *A History of Psychology: Ideas and Context*. New York: Psychology Press, 2016, 576 pp.

Lavazza, 2019 – Lavazza, A. “Why Cognitive Sciences do not Prove that Free Will is an Epiphenomenon”, *Frontiers in Psychology*, 2019, vol. 10, article 326.

Levin, S.M. “Svoboda voli, nauka i prichiny povedenija” [Free Will, Science and Causes of Behavior], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, no. 55 (2), pp. 153–164. (In Russian)

Levin, S., Iugai, V. “Illuzija vybora i nekontrolirujemyje dejstvija” [Illusion of Choice and Uncontrolled Actions], *Philosophy Journal*, 2019, no. 12 (2), pp. 92–102. (In Russian)

Libet et al., 1983 – Libet, B., Gleason, C.A., Wright, E.W., & Pearl, D.K. “Time of Conscious Intention to Act in Relation to Onset of Cerebral Activity (Readiness-Potential) – The Unconscious Initiation of a Freely Voluntary Act”, *Brain*, 1983, vol. 106, no. 3, pp. 623–642.

Libet, 2004 – Libet, B. *Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004, 272 pp.

Mele, 1995 – Mele, A. *Autonomous Agents: From Self-Control to Autonomy*. Oxford: Oxford University Press, 1995, 271 pp.

Mele, 2009 – Mele, A. *Effective Intentions: The Power of Conscious Will*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009, 178 p.

Mele, 2014 – Mele, A. *Free: Why Science Hasn’t Disproved Free Will*. New York: Oxford University Press, 2014, 112 pp.

Milgram, 1974 – Milgram, S. *Obedience to Authority: An Experimental View*. New York: Harper & Row, 1974, 224 pp.

Nahmias, 2011a – Nahmias, E. “Intuitions about Free Will, Determinism, and Bypassing”, in: K. Robert (ed.), *The Oxford Handbook of Free Will: 2nd ed.*, 2011, pp. 555–575.

Nahmias, 2011b – Nahmias, E. “Why ‘Willusionism’ Leads to ‘Bad Results’: Comments on Baumeister, Crescioni, and Alquist”, *Neuroethics*, 2011, vol. 4, no. 1, pp. 17–24.

Nahmias, 2014 – Nahmias, E. “Is Free Will an Illusion? Confronting Challenges from the Modern Mind Sciences”, in: W. Sinnott-Armstrong (ed.), *Moral Psychology*, vol. 4, pp. 1–58.

Pacherie, 2008 – Pacherie, E. “The Phenomenology of Action: A Conceptual Framework”, *Cognition*, 2008, vol. 107, no. 1, pp. 179–217.

Pereboom, 2014 – Pereboom, D. *Free Will, Agency, and Meaning in Life*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014, 219 pp.

Razeev, D. “Problema svobody voli v kontekste issledovanij neyronauki” [The Problem of Free Will in the Context of Neuroscience Research], *Zhurnal Vyshej Nervnoj Deyatelnosti*, 2017, no. 67 (6), pp. 721–727. (In Russian)

Razeev, D. “Svoboda voli i kognitivnyj mechanism vybora” [Free Will and the Cognitive Mechanism of Choice], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2019, no. 439, pp. 110–114. (In Russian)

Searle, 2001 – Searle, J.R. *Rationality in Action*. Cambridge, Mass: MIT Press, 2001, 319 pp.

Sekatskaya, M. “Filosofskaja znachimostj issledovanij svobody voli v neyronauke na primere razlichnykh interpretacij eksperimentov B. Libeta” [The Philosophical Significance of Benjamin Libet’s Free Will Experiments], *Voprosy filosofii*, 2020, no. 3 (in print). (In Russian)

Sekatskaya, M. “Svoboda voli i predskazujemostj. Filosofskij analiz sovremennykh issledovanij v neyronauke” [Free Will and Predictability. A Philosophical Analysis of the Current Research in Neuroscience], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 3, pp. 163–169. (In Russian)

Soon et al. 2008 – Soon, C.S., Brass, M., Heinze, H.-J., Haynes, J.-D. “Unconscious Determinants of Free Decisions in the Human Brain”, *Nature Neuroscience*, 2008, vol. 11, pp. 543–545.

Thaler, R., Sunstein C. *Nudge: Arhitektura vybora* [Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness], trans. by E. Petrova. Moscow: Mann, Ivanov and Farber, 2017, 240 pp. (In Russian)

Walter, 2014 – Walter, S. “Willusionism, Epiphenomenalism, and the Feeling of Conscious Will”, *Synthese*, 2014, vol. 191, no. 10, pp. 2215–2238.

Wegner, 2002 – Wegner, D.M. *The Illusion of Conscious Will*. Cambridge, Mass: MIT Press, 2002, 419 pp.

Zimbardo P. *Effekt Ljutsifera. Pochemu khoroshie ljudi prevrashajutsja v zlodeev* [The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil], trans. by N. Stativka. Moscow: Alpina, 2019, 740 pp. (In Russian)